

ЭТНОГЕНЕЗ ЯПОНЦЕВ К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КОРЕЙЦЕВ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЯПОНСКОЙ НАЦИИ

А. Ю. ИВАНОВ,

аспирант Института истории ДВО РАН

Известно, что воздействие одной группы людей на другую в процессе исторического развития общества в большей или меньшей степени приводит к формированию определенного этноса с особыми антропологическими и этническими характеристиками.

Относительно процесса формирования японской нации с давних пор предлагаются разнообразные, порой фантастические гипотезы. Среди этих гипотез можно выделить три основные теории о происхождении японцев, которые выдвигались как японскими, так и западными учеными.

По теории Ф. Зибольда, который первым научно затронул проблему образования японской нации, и его последователей — Х. Зибольда, Бэльца, Коганэи на Японских островах с древних времен жили предки айнов — носители культуры *дзёмон*. Но в период бронзового века с Азиатского континента на Японские острова вторглись предки современных японцев и сменили живших повсюду айнов. Такая гипотеза была основана на изучении останков людей культуры *дзёмон* и современных японцев, когда в 20-х годах XX в. Коганэи Ёсикиё участвовал в раскопках на Хоккайдо¹. Помимо этого японские археологи в период оккупации Кореи активно вели раскопки в поисках родственных корней современных японцев.

Позднее появились две основные гипотезы нового типа, создателями которых были Хасэбэ Котондо и Киёно Кэндзи. В отличие от предшествовавших гипотез, в основе которых лежали предположения о том, что племена-носители культуры *дзёмон* были вытеснены на окраины Японских островов предками современных японцев, новизна заключалась в том, что люди *дзёмон* представлялись как прямые предки основного населения Японии, как некий субстрат для формирования древнеяпонской народности.

По гипотезе Хасэбэ (впоследствии развитой С. Тома) современная японская нация сформировалась в результате постепенной эволюции людей периода *дзёмон*, пройдя такие поворотные моменты, как культура *яёи* и *кофун*, причем не смешиваясь с другими народами². Один из приверженцев такой теории Судзуки Хисаси, занимающийся проблемами антропологии, в процессе обобщения и систематизации останков людей периодов *дзёмон*, *яёи*, *кофун*, *Камакура*, *Муромачи*, *Эдо* и *Мэйдзи* и в результате сопоставления всех найденных останков заметил непрерывные антропологические изменения японцев с древности до современного этапа, тем самым выступив в поддержку гипотезы о постепенной автохтонной эволюции японской нации³.

Но неправильно было бы считать, что для изучения истории происхождения японцев достаточно исследования самих японцев. Впоследствии Судзуки несколько изменил свои взгляды, считая, что переселенцы с материка всё же оказывали влияние на процесс формирования японской нации, но не столь значительное, как утверждал Киёно. По мнению Судзуки, люди периода *дзё-*

мон смешались с другими народами, в результате чего произошли этнические изменения, приведшие к возникновению современной японской нации⁴. Предположение Киёно поддерживается и другими учеными, проводившими раскопки в различных районах Японии. При сопоставлении останков людей периода *дзёмон* с останками тех, кто жил в период *яёи*, они обнаружили, что у людей, принесших новую культуру на Японские острова, появились характерные черты, которых не было у их предшественников. Данные обмеров показали, что рост населения периода *дзёмон* был ниже по сравнению с ростом пришельцев (в среднем примерно 155 см). Челюсти у представителей культуры *дзёмон* были сильнее развиты, лицо широкое и плоское. Население периода *яёи* уже было выше своих предшественников в среднем на 5 сантиметров (рост мужчины составлял примерно 160 см), костная структура была тоньше, а лицо более вытянуто⁵. Таким образом, под влиянием пришельцев с материка средний рост жителя Японии со II в. до н.э. по II в. н.э. увеличился примерно на 5 сантиметров. Такой резкий скачок в росте был бы невозможен без этнического влияния извне при опоре только на местный «материал».

Так какой же компонент оказал наибольшее влияние на формирование антропологического типа современного японца, кого можно считать прямым предком ныне живущих на Японских островах?

Долгое время этнографы в этом вопросе уделяли большое внимание «местным» и «южным» компонентам происхождения японской нации. Но с 70-х годов XX в. появились новые подходы, и ученые больше стали отдавать предпочтения северному направлению⁶. Более того, основываясь на исторических, археологических, антропологических, биологических и лингвистических исследованиях, проведенных за последние 30 лет, ученые смогли с большой долей уверенности утверждать, что этнически японцы ближе к корейцам, нежели к другим народам. Это подтверждают и анализы ДНК, взятые у японцев и тех народов, которые могли участвовать в этногенезе жителей Японских островов. Данные показали, что 65 % генов японцев соответствуют корейским генам, и лишь 35 % — айнским, причем в кровном отношении наиболее близки к корейцам жители центральных районов Кинки (Осака, Киото, Нара)⁷. Родственность корейцев и японцев ещё в XIX в. предположил немецкий ученый Эрвин фон Бэльтц, который, занимаясь антропологическими исследованиями японской нации, разделил её на два типа: Сацума (айнско-малайский) и Тёсю (маньчжуро-корейский).

Бэльтц утверждал, что японцы типа Сацума — люди со сплюснутыми лицами, крепкого телосложения и низкого роста; это потомки древнейшего населения Японии, т. е. айнов⁸. Тип Тёсю отличался вытянутым лицом, более высоким (до 165 см) ростом и стройным телосложением. Люди такого типа обычно относились к элитным слоям общества и считались потомками выходцев с Корейского полуострова. Несмотря на то, что на протяжении XX в. в этнической истории Кореи и Японии было сделано немало открытий, работы Бэльтца оказали большое влияние на развитие представлений об антропологическом типе японцев. Даже японский ученый Х. Судзуки, который отнюдь не является ярким сторонником внешнего влияния на процесс формирования японской нации, тем не менее, соглашаясь с мнением Бэльтца, признает, например, что клан Токугава отличался от обычных японцев XVII в. особым строением скелета. Особенностью «аристократического лица» того времени считались узкие и яйцевидные очертания лица, большой нос, изящные челюсти, ровный ряд зубов. Такими чертами обладали лишь немногие из окружения Токугава. Причину этого Судзуки видит в наследственности генов, доставшихся от корейских предков, и строгой системе отбора невесты, которая должна была быть высокого роста и обладать чертами континентального типа, отличного от простых японцев⁹.

Кохама Мотоцугу, проводивший после второй мировой войны исследования физического состояния японцев, собрав сведения по всей Японии, также разделил японскую нацию на две большие группы — Тохоку и Кинаи.

Представители группы Тохоку, по мнению Кохама, близкие по внешним признакам к айнам были типичны для всей Японии в ранний период. Но затем из Кореи произошло массовое переселение новой этнической группы, называемой Кохама по месту их проживания «кинаи», которая сыграла решающую роль в формировании антропологического типа современных японцев¹⁰.

Японские археологи (Нагаи Масафуми, Найто Ёситоку и др.), проводившие многочисленные раскопки на о-ве Кюсю и в районе Тюгоку, подтвердили, что в Японии в период культуры *яёи* существовали одновременно две различные общности людей — люди периода *дзёмон* и пришельцы с материка¹¹. Учитывая, что японцы ещё в 20-х годах XX в. во время проведения активных раскопок на севере Корейского полуострова установили сходство неолитического населения Кореи с современными корейцами, мы можем более ясно представить себе ближайших родственников японцев.

Возникает вопрос, кто был первым человеком на Японских островах, тем исходным материалом, из которого формировалась японская нация?

На основании уже известных сведений о том, что 250 тыс. лет тому назад на земле появились первобытные люди — неандертальцы, которые стали массово расселяться в обширных районах Европы, Азии и Африки, передвигаясь лишь по суше, можно предположить, что на Японских островах, как раз в те времена соединенных с материком, первые люди стали проживать более 200 тыс. лет тому назад. Правда, сами японские ученые считают, что ранней стадии палеолитической культуры на территории Японского архипелага не существовало ввиду отсутствия археологических находок. Но даже если представить, что первобытные люди обитали на Японских островах в период раннего палеолита, предками японцев всё же считаются не они, а те, кто появился на территории Японии в период последней регрессии, т. е. 30—20 тыс. лет тому назад. Учитывая, что в этот период Китай, Корейский полуостров и Японский архипелаг представляли собой единый географический район, объединенный теми частями суши, которые ныне покрыты водами Желтого и Восточно-Китайского морей, и на основании археологических раскопок, проведенных в различных районах Восточной Азии, можно предположить, что прародиной людей, обладавших культурой *дзёмон*, были Китай, Корейский полуостров и, возможно, южная часть Восточной Азии. Ещё в XIX в. Л. Шренк, относивший айнов к палеоазиатским народам утверждал, что их родиной является Корейский полуостров, откуда они переселялись на Японский архипелаг через острова Цусимы¹². Но несмотря на то, что ученым примерно известен первоначальный ареал обитания первых жителей Японии, долгое время проживавших в восточной части континента, несомненно одно, что эти палеоазиаты, или так называемые люди *дзёмон*, не могли быть прямыми предками японцев, а тем более корейцев.

Как хорошо известно, 10 тыс. лет тому назад наступил послеледниковый период и уровень моря поднялся, тем самым отделив Японские острова от материка. Таким образом, «люди *дзёмон*» на протяжении 8 тыс. лет, как предполагают многие ученые, эволюционировали в своем собственном развитии, приспособившись к местным природным условиям, так как неумение, а может, и нежелание мореплавания исключало массовое и регулярное сообщение с материком. Долгий отрыв от континентальной цивилизации сказался на том, что «люди *дзёмон*» за тысячелетия смогли сохранить свои антропологические особенности. Эгами по этому поводу считает, что «люди *дзёмон*» несколько отличались от своих современников, живших в Китае в эпоху неолита, и именно «люди *дзёмон*» имели те черты, которые во многом сохранились у них от

протомонголоидов¹³. Ещё более явственно «люди дзёмон» отличались от корейских племен, которые этнически эволюционировали быстрее, чем представители Японских островов. Причина этого видится в том, что протокорейские племена проживали на стыке цивилизаций, где им приходилось сталкиваться с многочисленными носителями передовой культуры.

Как раз проникновение в страну в первом тысячелетии до н.э. представителей Корейского полуострова, ставших ядром в формировании древнеяпонской народности, ознаменовало собой новый этап в этнической истории Японии. Известно, что несколько столетий подряд происходил массовый приток населения с материка на Японские острова, вызвавший серьезные изменения в этническом облике жителей тех регионов, где оседали переселенцы. Ещё древние китайские письменные источники сообщали о неких «людях Ва», населявших Северный Кюсю и тесно связанных с племенами Хан. Арутюнов считает, что «люди Ва», создавшие первое общепонское государство, стали стержнем, собравшим другие группы, которые, смешавшись, и дали начало японской народности¹⁴.

В 50—60-е годы XX в. японский ученый Канасэки Такэо, проведя раскопки в местечке Мицунагата (префектура Ямагути) и в Тоигахама (префектура Сага) и обнаружив большое количество останков, обратил внимание на то, что они крупнее, чем останки людей периода *дзёмон*, и аналогичны тем, что найдены на территории нынешней провинции Южный Кёнсан в Корее. На основании этих археологических данных Канасэки предположил, что найденные останки имеют черты, характерные для жителей северной части Кореи, которые в значительном количестве прибывали в Японию и расселялись не только в северной части Кюсю, но и на юго-западе Хонсю¹⁵. Правда, делая заключение, Канасэки говорит, что пришедшие с севера Кореи переселенцы быстро смешались с жившими на Японских островах «людьми дзёмон», основываясь на предположении, согласно которому пришельцы состояли только из лиц мужского пола, легко переносивших дальние морские путешествия. Преобладание среди переселенцев мужчин ускоряло процесс их вступления в брак с местными женщинами, относившимися к типу «людей дзёмон». Но Эгами отмечает, что такое предположение противоречит тому, что женские скелеты, обнаруженные в Тоигахама, очень схожи с теми, что найдены в Ённи близ Пусана на юге Кореи. Исходя из этого, Эгами делает вывод, что останки, найденные в Ённи и Тоигахама, принадлежат одной группе людей, которые переселились из южной части Кореи на Японские острова и образовали там колонию, сохраняя определенное время свою этническую однородность и культурную самобытность¹⁶.

Свидетельством того, что в период *яёи* в Японию перебирались не только мужчины, служит корейская легенда о супружеской паре Ёно и Со. Согласно этой легенде, на четвертом году правления силлаского короля Адалла (158 г. н.э.) от восточного побережья Корейского полуострова откололась скала и унесла с собой в сторону Японии рыбака Ёно. Жители островов, видя в этом особенный случай, сделали его своим королем, а скала вернулась обратно и доставила в Японию жену Ёно — Со¹⁷. Возможно, переселение женщин с Корейского полуострова на Японские острова отражается и в корейском обряде, где девушки, выстраиваясь в ряд, создают своеобразный живой мост, по которому то на восток, то на запад ходит одна из девушек¹⁸. Таким образом, археологические изыскания и древние летописи говорят о том, что нельзя воспринимать переселение на Японские острова как простое «бегство» мужского населения с Корейского полуострова. Скорее всего, в процесс миграции были втянуты не отдельные индивидуумы мужского пола, отправлявшиеся за море в поисках приключений, а целые кланы и роды, пытавшиеся осесть на более плодородных землях. С.А. Арутюнов, долгое время занимающийся исследованиями этнической истории Японии, основываясь на том, что характер-

ные для Северного Кюсю в средний период *яёи* керамика Суку и захоронения в сдвоенных урнах типичны также и для Корейского полуострова, считает, что переселенцы на Северный Кюсю не только не растворились среди местного населения, но и не оторвались от корейско-приморской этнографической области и имели с ней общую линию развития¹⁹. Контакты составлявших большинство населения Северного Кюсю мигрантов с племенами Трех хан, по мнению Арутюнова, были еще теснее, чем между островом Кюсю и центральной частью Японии, населенной преимущественно местными жителями, где аборигенное население превалировало над пришлым²⁰. Свидетельством такого предположения является поразительное сходство энеолитической культуры Северного Кюсю и Южной Кореи при почти полном отсутствии местных черт.

С другой стороны, процесс смешения переселенцев с местным населением в определенной степени был неизбежен, но он не принес в этот период каких-либо универсальных антропологических черт, свойственных жителям Японских островов. Это, видимо, было связано с тем, что этническое развитие южной части Кореи носило застойный характер²¹, что при тесных этнических контактах между Корейским полуостровом и Японским архипелагом не могло не отразиться на процессе этнообразования японской нации, а отсюда — и на общественно-политическом развитии Японии. Можно также предположить проживание на Корейском полуострове родственных «людям дзёмон» племен, исходя из того, что после глобального потепления, наступившего 10 тыс. лет назад, часть родственных племен осталась на материке, а часть оказалась на Японских островах, будучи отделенными друг от друга Корейским проливом. Но, учитывая тот факт, что на континенте происходило более интенсивное, нежели на Японском архипелаге, этническое развитие племен, испытывавших сильнейшее воздействие материковой культуры и невольно втянутых в процесс этнообразования, их нельзя уже было отнести к людям периода *дзёмон*.

В то же время в наиболее отдаленных от о-ва Кюсю районах продолжали обитать люди, несшие культуру *дзёмон* и по внешнему виду отличавшиеся от новых обитателей Северного Кюсю и Южного Хонсю. В результате к III в. н.э. этнически Япония не была еще единой. Японский этнограф Ока Масао считает, что в I тысячелетии н.э. на территории Японских островов проживало пять этнических групп: племена меланезийского типа, группа австронезийского типа с юга р. Янцзы, выходцы из Восточной Азии тунгусского происхождения, принесшие в Японию язык алтайской группы, группа из Юго-Восточной Азии австронезийского типа, прибывшая с юга Китая, и племена, прибывшие в западную часть Японии и говорившие на алтайских языках²². При общем делении этносов, проживавших на Японских островах, их можно подразделить на две основные этнические группы: 1) на северо-востоке Кюсю и на юго-западе о-ва Хонсю (районах, ближайших к Корее) — жители, имеющие ярко выраженную внешность «северных монголоидов» (в более ранних трудах Мацумото, Хасэбэ, Эйкштедт их относили к типу «окаяма»), полученную в результате смешения местных племен и переселенцев с Корейского полуострова, и 2) в остальных районах Японии — люди, сохранившие особенности, характерные для людей палеолитического периода.

Таким образом, под влиянием миграций представителей Корейского полуострова на Японских островах постепенно стали меняться границы этнических областей, в результате чего на первый план стали выступать отношения жителей архипелага со своим географическим соседом и родственным народом — корейцами.

Но, несмотря на то, что миграция людей, несших культуру *яёи*, также отразилась на антропологическом облике жителей Японских островов, пока еще рано было говорить о серьезных процессах этнообразования японского

народа, что утверждают многие японские (Эгами, Ханихара) и некоторые западные (Э. Киддер) ученые, считающие, что большинство японцев сформировались в период *яёи* в результате смешения «людей дзёмон» и племен северо-восточного происхождения²³. Арутюнов, например, считает, что миграции людей оказали наименьшее влияние на антропологический облик населения Японских островов в связи с немногочисленностью в этот период переселений²⁴.

IV в. знаменует собой новый этап миграций с материка, который вовлек в процесс этнообразования уже большую часть жителей Японских островов и оказал существеннейшее влияние на окончательное формирование этнического облика японцев. В это время этнические процессы, происходившие на Корейском полуострове, вошли в завершающую стадию, приведшую в конечном итоге к созданию единой этнической общины, и стали иметь для этнической истории Японии принципиальное значение, так как они вызвали создание национально однородных корейских государств и массовые переселения на Японские острова, обеспечившие расширение базы для формирования японского этноса. Те племена, которые не желали участвовать в этом процессе, вынуждены были или погибнуть в борьбе с новой этнической группой, или отступить в труднодоступные районы и владеть там жалкое существование под напором более развитой цивилизации. Это связано с тем, что глобализация этнообразования японской нации в этот период была вызвана не только многочисленностью переселенцев, мигрировавших на Японские острова, но и тем, что пришельцы с Корейского полуострова отличались от коренных жителей своим мировоззрением и при столкновении с различными культурами в процессе проникновения во внутренние районы Японии и формирования единого государства они привыкли решать вопросы силовыми методами. С антропологической точки зрения вторжение армии пришельцев в отдаленные районы проживания местных племен способствовало распространению материкового гено-типа²⁵. По мнению Лэдьярда, воинственные кочевые племена *пудэ* не только участвовали, но и явились основным компонентом в этногенезе японцев²⁶, тем самым отстраняя аборигенное население на вторые роли в процессе формирования японской нации.

С другой стороны, несмотря на сильное распространение в облике японцев внешних черт, присущих северо-корейским племенам, у «людей кофун» стал вырабатываться определенный средний тип внешности; рост перестал увеличиваться и стабилизировался на отметке 160 сантиметров. Внешность людей периода *кофун* отражена в статуэтках — *ханива*, где очертаниям голов вполне соответствует конфигурация обнаруженных черепов той эпохи. Судя по ним, высота лица «людей кофун» была большей, чем у «людей дзёмон», но меньше, чем у жителей периода *яёи*²⁷. Это, видимо, связано с тем, что переселенцы с материка стали более активно вступать в брак с коренными жителями и потомками более ранних переселенцев. Нельзя не учитывать и тот фактор, что на Японские острова переселялись не только представители севера, но и юга Корейского полуострова. Племена *хан*, проживавшие в Южной Корее, имели в то время заметные отличия от своих сородичей во внешнем облике и не обладали чертами, свойственными северным монголоидам.

Таким образом, процесс формирования японской народности достиг в период IV—VII вв. поворотного момента и нашел свое выражение в создании сравнительно однородного пласта населения на значительной части территории Японии²⁸.

Но, несмотря на это, формирование японской нации на основе пришлого и местного населения затянулось на несколько столетий. Например, на территории южной части Кюсю долгое время обособленно проживали племена не-японского происхождения (кумасо, хаято), относившиеся к древнему австра-

лоидному населению Японии²⁹; наличие региональных особенностей в физическом облике японцев можно объяснить лишь одной причиной — насколько интенсивно подвергались влиянию с материка жители той или иной области³⁰. Подобное мнение выражает и Левин, считая, что процесс смешения пришельцев с Корейского полуострова с местным населением происходил неодинаково в разных частях Японии³¹. Поэтому столь сильное различие между японцами и айнами в антропологических данных можно рассматривать с позиций, что эти люди совершенно другой расы. Айны, если их сейчас можно так назвать, почти не испытали на себе влияния переселенцев, тогда как собственно японцы подверглись значительным изменениям в результате смешанных браков с пришельцами с Корейского полуострова. Японский ученый Ояма Кёхэй именно с потерей родственных связей Японии с Кореей связывает различие путей развития двух государств. По его мнению, в японском обществе, начиная с XI в., наметился переход от родовых связей к территориальным, тогда как в Корее продолжали господствовать кровнородственные отношения в системе управления государством³².

Интересно отметить тот факт, что после прекращения этнических контактов с Кореей в IX в. рост японцев стал уменьшаться и к XIV в. средний рост их был ниже 160 сантиметров. С другой стороны, лица стали укрепляться и приобретать черты коренных жителей Японии. Тем самым начался обратный процесс возвращения японцев к протомонголоидному облику, ознаменовавший собой заключительный этап в формировании типичных черт японской нации. А.В. Вовин считает, что завершение этнообразования японского народа можно отнести к XI—XII вв.³³

В этой ситуации перед правящими родами встала серьезная задача сохранения высокого роста и тонких черт лица — прямых показателей аристократического облика. Одним из способов решения такой проблемы являлось нападение на прибрежные районы Корейского полуострова, осуществлявшееся японскими пиратами, и похищение корейских женщин с целью последующей продажи их какому-нибудь аристократическому роду³⁴.

С XVI в. происходит процесс модернизации внешнего облика японцев — увеличение роста и уменьшение объема головы. Но если японский ученый Судзуки видел в этом способность человеческой расы, в данном случае японской, к эволюционному развитию под воздействием природных факторов, то Эгами начало резкого изменения облика японцев объясняет интенсификацией смешения генотипов в результате распространения после периода Сэнгоку (1482—1558) переселения людей из центральных областей на земли крупного феодала в отдаленных районах³⁵. Довольно широкое распространение в этот период смешанных браков между айнами и представителями центральных районов привело к ассимиляции корейских потомков и складыванию среднего облика современного жителя Японских островов, сохранившего корейские черты, но все же имевшего уже характерную внешность. Отличия же японцев от корейцев сказываются в следующем: 1) гораздо меньшая длина лица, 2) более темная пигментация и темный цвет кожи, 3) более высокий процент волнистости волос, 4) более интенсивный рост бороды, 5) больший размер головы и 6) менее плоское и скуластое лицо³⁶. Эти особенности объясняются присутствием айнского компонента при формировании японской нации, хотя, по мнению Левина, айнское влияние отчетливо отражается только в обильности волосяного покрова на лице и теле³⁷. Сами же айны, по мнению многих ученых, ассимилировались среди современных японцев³⁸.

Но, несмотря на значительные, по моему мнению, различия в облике корейцев и японцев на данный момент, представители Корейского полуострова смогли оказать серьезное влияние на антропологические особенности людей, проживающих ныне в тех районах, где складывалось сообщество корейской нации. Японские острова в этом смысле не являются исключением.

- ¹ Эгами Н. Японская нация и культура // Япония: о себе и мире. 1994. № 10. С.55.
- ² Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. С.337.
- ³ Эгами Н. Японская нация... С.55—56.
- ⁴ Там же. С.57.
- ⁵ Кожевников В.В. Очерки древней истории Японии. Владивосток, 1998. С. 62—63.
- ⁶ Кожевников В.В. Кто они и откуда? К вопросу о появлении японцев на Японских островах // Россия и АТР. Владивосток, 1997. С.103.
- ⁷ Пу Джи Ён. Ильбон, то ханаый хангук (Япония-ещё одна Корея). Сеул, 1995. С.156.
- ⁸ Эгами Н. Японская нация... С.54.
- ⁹ Пу Джи Ён. Указ.соч. С.170.
- ¹⁰ Левин М.Г. Этническая антропология Японии. М., 1971. С.201.
- ¹¹ Эгами Н. Японская нация... С.57.
- ¹² Шренк Л. Об инородцах Амурского края. 1889. Т.2. СПб. С.276—277.
- ¹³ Эгами Н. Японская нация... С.63.
- ¹⁴ Арутюнов С.А. От кого произошли японцы // Азия и Африка сегодня. 1966, № 6, С.35.
- ¹⁵ Ли Джин Хи. Хангукква ильбонмунхва (Корея и японская культура), Сеул, 1982. С.11.
- ¹⁶ Эгами Н. Японская нация... С.63.
- ¹⁷ Pyon. Samguk usa. — Seoul, 1972.
- ¹⁸ Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982. С. 77.
- ¹⁹ Арутюнов С.А. Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Восточноазиатский этнографический сборник. Вып. 2. М., 1961. С. 141—142.
- ²⁰ Арутюнов С.А. Этническая история... С. 142.
- ²¹ Воробьев М.В. Япония в 3—4 веках. М., 1980. С. 30.
- ²² Kitagawa J. On Understanding Japanese Religion. Princeton, 1988. P. 19—22.
- ²³ Нихоного-но рэкиси (История японского языка). Токио, 1976. Т.1. С. 74.; Kidder J.E. Japan Before Buddhism. L., 1959.
- ²⁴ Арутюнов С.А. К оценке роли миграций в древней истории Японии // Советская этнография. 1960. № 1. С. 71.
- ²⁵ Эгами Н. Японская нация... С. 67.
- ²⁶ Ledyard G. Galloping with Horseriders: Looking for the Founders of Japan // Journal of Japanese Studies. Vol. 1 (Spring), 1975. № 2. P. 217—254.
- ²⁷ Воробьев М.В. Япония в 3—4 веках. М., 1980. С. 58.
- ²⁸ Там же. С. 73.
- ²⁹ Вовин А.В. К вопросу об этногенезе японцев // Народы Азии и Африки. 1988. № 4. С. 95.
- ³⁰ Эгами Н. Японская нация... С. 66.
- ³¹ Левин М.Г. Этническая антропология... С.273.
- ³² Нихон-но рэкиси. Токио, 1984. Т. 9.
- ³³ Эгами Н. Японская нация... С. 95.
- ³⁴ Пу Джи Ён. Указ. соч. С. 177.
- ³⁵ Эгами Н. Японская нация... С. 81.
- ³⁶ Левин М.Г. Этническая антропология Японии. С. 201.
- ³⁷ Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. С. 328.
- ³⁸ Арутюнов С.А. Древнейший народ Японии. М., 1992. С. 37.

SUMMARY. The article by a post-graduate student of the Institute of History A. Yu. Ivanov «The Ethic Genesis of the Japanese» dealing with the problem of forming Japanese nation. The author examines some hypotheses concerning to ethnic genesis of the Japanese nation and called some of them as fantastic ones. While describing some suppositions about the origin of the Japanese, A. Yu. Ivanov draws a conclusion that just the Koreans could have the most serious influence on the anthropological peculiarities of the Japanese people.